

Оригинальная статья
УДК 316.334.52

Инструменты использования прямой демократии в местном самоуправлении Калининградской области: социологические аспекты

Владимир Вениаминович Кривошеев, Даниил Юрьевич Кочергин¹

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, Россия

Аннотация: В статье раскрываются основные управленческие практики применения различных методов прямой демократии на уровне местного самоуправления. Делается это на примере одного из регионов Российской Федерации, Калининградской области. При этом авторы отмечают, что указанные институты, во-первых, имеют достаточно длительную историю. Они развивались и совершенствовались не одно десятилетие. Во-вторых, подчеркивается, что конкретные приемы прямой демократии в настоящее время используются и в традиционной форме (сходы, общие собрания и т.п.), и с применением электронных технологий. Отмечается, что в регионе стремятся опираться на передовой опыт активного развития институтов прямой демократии в России, зарубежных странах. Раскрывается, как функционируют «электронные муниципалитеты», интерактивные способы учета мнений и замечаний граждан, ответов на возникающие вопросы и предложения, прямое голосование по проблемам, вызывающим наибольший интерес индивидов. Высказываются соображения по дальнейшему совершенствованию практики использования институтов прямой демократии для улучшения взаимодействия органов муниципальной власти с населением. Представляется, что все это не только не теряет своей актуальности, но и является наиболее насущным с учетом продолжающейся пандемии COVID-19.

Ключевые слова: управление; управленческие практики; прямая демократия; электронные технологии взаимодействия; социологический анализ использования институтов прямой демократии.

Для цитирования: Кривошеев В.В., Кочергин Д.Ю. Инструменты использования прямой демократии в местном самоуправлении Калининградской области: социологические аспекты // Социальная компетентность. 2021. Т. 6. № 4. С. 448 - 457

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Original article

Tools for the use of direct democracy in local self-government of the Kaliningrad region: sociological aspects

Vladimir V. Krivosheev, Daniil Y. Kochergin

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Abstract: The article reveals the main management practices of applying different methods of direct democracy at the level of local self-government. This is done on the example of one of the regions of the Russian Federation, in the Kaliningrad region. At the same time, the authors note that these institutions, firstly, have a fairly long history. They have been developed and improved for more than a decade. Secondly, it is emphasized that specific techniques of direct democracy are currently used both in the traditional form (gatherings, general meetings, etc.) and using electronic technologies. It is noted that the region seeks to rely on the best practices of the active development of institutions of direct democracy in Russia and foreign countries. It is disclosed how electronic municipalities function, interactive ways to take into account the opinions and comments of citizens, answers to emerging questions and proposals, direct voting on problems that cause the greatest interest of individuals. Suggestions are made to further improve the use of direct democracy institutions to improve the interaction of municipal authorities with the population. It seems that all this is not only not losing its relevance,

¹ © Д.Ю. Кочергин, В.В. Кривошеев

but is also the most urgent given the ongoing COVID-19 pandemic.

Keywords: management; management practices; direct democracy; electronic interaction technologies; sociological analysis of the use of institutions of direct democracy.

For citation: Krivosheev V.V., Kochergin D.Yu. Tools for the use of direct democracy in local self-government of the Kaliningrad region: sociological aspects // Social Competence. 2021. Vol. 6. No. 4. pp. 448 - 457

Введение

Внимание исследователей, включая специалистов в сфере права, политологии, социологии, других отраслей социально-гуманитарного знания к функционированию местного самоуправления вполне объяснимо. Муниципальный уровень власти, по сути, самый приближенный к населению и выражает интересы общества на местном уровне. Все остальные уровни власти – региональный, федеральный уровни – при всей неоспоримой, исключительной важности принимаемых там решений и их осуществлении не только более удалены от конкретных, действительно повседневных запросов и нужд поселений, индивидов, но и вступают с людьми чаще всего в опосредованные взаимодействия. Понятно, что прямое общение с индивидами и здесь не только не исключается, но и приобретает новые черты. Достаточно вспомнить, например, ежегодное общение Президента России В.В. Путина с населением в режиме онлайн, получение администрацией Президента и в период подготовки, и в ходе самих этих встреч огромного количества обращений. И все же это носит хотя и регламентный, но не столь частый характер.

В силу сказанного местное самоуправление глубоко анализируется как отечественными, так и зарубежными учеными. Историки, к примеру, обращают внимание и на то, как функционировало местное самоуправление в России до 1917 года (Емельянов, 1996). Раскрываются различные актуальные аспекты взаимодействия государственной и муниципальной власти (Трещева, Балаян, 2020). Все большее внимание обращается на применение самых передовых способов коммуникации власти и населения. Прежде всего, речь идет, естественно, об использовании тех

возможностей, которые представляет электронная, цифровая среда, различные её платформы. И дело даже не в том, что пандемия COVID-19 крайне ограничила, по крайней мере, на её первом этапе, возможности непосредственного общения индивидов с представителями органов власти, местного самоуправления. И отечественная, и зарубежная управленческие практики достаточно давно, как говорится, в допандемийный период, демонстрируют все более широкую опору во взаимодействии с населением на электронные ресурсы. Можно констатировать, что пандемия лишь ускорила дальнейшее их внедрение. Всё это вполне объяснимо. Ведь использование инновационных методов связи людей с работниками управленческих структур позволяет осуществлять это, предельно экономя время и действительно крайне быстро реагируя на просьбы и пожелания людей.

Поэтому активно выявляются различные аспекты внедрения электронных ресурсов в управленческую деятельность. В самом начале 2000-х годов, например, уже фиксировались не только возможности, но и некоторые проблемы деятельности органов власти и управления в условиях информационного общества (Вершинин, 2001). А в 2008 году шведские ученые уже определили внедрение Интернета и его ресурсов в управленческую практику как новую форму демократического процесса, как нетократию (Бард, Зодерквист, 2008). власти (McIver, Elmagarmid, 2002). Более того, анализируя эти процессы, исследователи все более полно опираются на принципиально новое понятие - «электронная демократия» (Омеличкин, 2014; Итиуридзе, 2018). Как нетрудно заметить, есть что-то общее в этом понятии и термином нетократия, хотя содержательно

они, конечно, не идентичны.

Часто раскрывается опыт использования инструментов такой демократии и в других странах, в частности, союзной с Россией Белоруссии (Осипов, 2019) Электронная демократия во многом по-новому поставила и юридические, и социально-технологические проблемы того, что давно известно как прямая демократия, под которой имеют в виду принятие решений коллективным способом, в котором субъектами являются муниципальные представительные органы власти населения. Анализируются различные аспекты использования приемов прямой демократии в управленческой практике (Руденко, 2003).

Таким образом, можно констатировать, что проведенный нами анализ дополняет исследования применения различных цифровых инструментов в реализации принципов прямой демократии в муниципальных образованиях.

Методы

Авторы в данной работе использовали следующие методы: анализ официальных документов (Федеральные Законы, принятые Правительством России целевые программы, иные документы); вторичный анализ социологической информации; анализ содержания сайтов муниципалитетов Калининградской области. Кроме этого, авторы опирались на статистические данные, раскрывающие процессы, происходящие в цифровой среде.

Основные результаты и выводы

Исследователи не без оснований считают, что всё более активное использование инструментов прямой демократии позволяет преодолевать отчуждение граждан от властей. Но именно на местном уровне, в самоуправленческих структурах муниципалитетов это не только возможно, но и насущно необходимо в силу того, как уже отмечалось, что именно здесь реализуется публичная власть во всей её полноте.

И в теории, и на практике концепция прямого участия населения в процессе

обсуждения, решения и осуществления государственных и местных дел на протяжении многих лет является предметом острой дискуссии. Часто высказываются едва ли не противоположные мнения о возможности реализации в России различных форм непосредственной демократии в контексте современного этапа развития государства и общества. Еще в 2003-м году, например, академик В.Н. Руденко отмечал, что «в науке конституционного права России, до настоящего времени, не выработано общепринятого подхода к исследованию институтов прямой демократии» (Руденко, 2003, с.91). В целом, как фиксируют исследователи, к настоящему времени сложилось два основных подхода к выявлению основных характеристик прямой демократии. Широкий подход предполагает, что институты прямой демократии представляют собой совокупность правовых норм, регулирующих отношения по принятию гражданами общеобязательных властных решений, имеющих силу решений органов государственной власти (решений органов местного самоуправления) или выше, а также по участию граждан в принятии такого рода решений. Узкий подход предполагает, что институты прямой демократии представляют собой совокупность правовых норм, регулирующих отношения исключительно по принятию народом или его частью общеобязательных властных решений, имеющих силу решений органов государственной власти (решений органов местного самоуправления) или выше (Кожевников..., 2020).

В нашем анализе нам представлялось важным рассмотрение действия институтов прямой демократии на муниципальном уровне с широких позиций. Иными словами, по нашему мнению, важно не только, а иногда, возможно, и не столько непосредственное принятие людьми неких законов, постановлений (это все же в большей мере прерогатива специалистов). Прежде всего, следует обеспечить самое активное участие индивидов

в обсуждении проектов этих общеобязательных документов, а также выдвижение предложений, замечаний, которые касаются деятельности, в нашем случае, органов местного самоуправления. Разумеется, сказанное не означает отказа от такого института прямой демократии как референдум, плебисцит, общее голосование. Важно ведь и другое – необходимо в полной мере обеспечить учет высказанных соображений и предложений. Именно они могут и должны быть положены в основу выработки и принятия решений местной власти.

С точки зрения Л.А. Нудненко, институты непосредственной демократии в устройстве местного самоуправления выражены следующими формами: местные обсуждения насущных вопросов; петиции; обращение граждан с инициативой к органам местного самоуправления; публичные отчеты депутатов, а также других выборных должностных лиц перед избирателями (Нудненко, 2001). В.В. Комаровой разработана типология форм непосредственной демократии, основанная на функции, за которой закреплен механизм учета и реализации воли населения муниципальных образований. Типология представлена тремя составляющими: императивной, консультативной и регулятивной. Императивная подразумевает под собой конечное решение обсуждаемых вопросов. В первую очередь, к ним относятся выборы и референдум. Стоит отметить и другие, среди них сходы, отзывы депутатов и должностных лиц, голосование по проблемам границ и преобразованию муниципального образования. Консультативная форма направлена на выявление, а также сопоставление воли народа и формируемого им органа власти или должностного лица, необязательно выборного. Кроме этого, Комарова считает, что в законодательстве отсутствует механизм реализации, который регулировал бы волеизъявление людей. Дело в том, что таким образом не воплощается принцип общенародности. Не установлена и

численность участников, которая позволит назвать эти формы способом общенародного волеизъявления. Имеются ввиду, прежде всего, митинги, шествия, демонстрации, пикеты, публичные слушания, опросы граждан, обсуждения. (Комарова, 2006).

Но дело в том, что уже в тот момент, когда население задействовано в системе социального управления, базирующегося на принципах сопоставления представительного правления и народного суверенитета, осуществляется регулятивная форма. Она включает в себя правотворческую инициативу; указы избирателей; отчеты депутатов; собрания граждан.

Использование институтов прямой демократии регулируется с точки зрения права на трех уровнях: федеральном, региональном и муниципальном. Правовое регулирование основано на содержательном единстве, несмотря на сложный состав, так как непосредственная демократия гарантируется Конституцией Российской Федерации. В части 3 Статьи 3 Конституции указывается, что «высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы» (Конституция Российской Федерации).

Важно подчеркнуть, что постоянно расширялись полномочия органов местного самоуправления. Во-первых, Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ значительно сократил объем полномочий субъектов Российской Федерации в сфере организации местного самоуправления. Согласно ст. 6 данного закона, правовое регулирование вопросов организации местного самоуправления в субъектах Российской Федерации осуществляется органами государственной власти субъектов Федерации только в случаях и порядке, установленных этим Федеральным законом (Собрание законов). Такое разграничение полномочий в пределах организации и осуществления местного самоуправления во многом позволяет либо вытеснить региональное законодательное

регулирование нормами федеральных законов (которые зачастую переводят решение проблем на муниципальный уровень), либо же придать этому регулированию второстепенный характер, что происходит в случаях, когда региональный законодатель, по большей части, воспроизводит нормы федерального законодательства (например, о муниципальных выборах и местном референдуме) (Собрание законов).

Во-вторых, непосредственная демократия, гарантируемая Конституцией Российской Федерации ст. 130, в соответствии с которой местное самоуправление «осуществляется гражданами путём референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления» (Конституция Российской Федерации), имплицитно, с одной стороны, большое значение различных форм прямой демократии на уровне муниципалитетов, а с другой стороны – их реальное многообразие.

По представлению авторов монографии, раскрывающей основные процессы развития народовластия в России, «корневой» характер муниципальной власти заключается в том, что удельный вес решения вопросов местного значения посредством прямого волеизъявления членов территориального коллектива должен быть намного выше, чем их рассмотрение на федеральном или региональном уровнях (Гражданин, закон... с. 88). Из части 1 статьи 130 Конституции Российской Федерации следует: прямая демократия именно за счет многообразия форм способна обеспечить раскрытие сущности местного самоуправления как деятельности по самостоятельному и непосредственному решению гражданами вопросов локального значения. (Конституция Российской Федерации). Необходимо подчеркнуть, что оно обеспечивается на всех уровнях нормативного регулирования.

В научной литературе правового характера среди форм непосредственной

демократии выделяют императивные и консультативные. Данная классификация основана на обязательности выраженной воли жителей муниципального образования. В первом случае принятые народные решения «не требуют утверждения кем-либо» (Авакьян, 2005). Вторая форма носит консультативный характер, то есть официальное, юридически оформленное решение принимает компетентный орган государства или местного самоуправления.

Реализация описанных выше форм прямой демократии на уровне публичного управления муниципалитета создает целый ряд проблем.

В первую очередь – это проблема ответственности. Справедливо отмечается, что помимо принятия и реализации ключевых решений, прямая демократия возлагает на население ответственность. В таком случае невозможно привлечь к ответственности субъект принятия решений. Кроме того, муниципальное право не отвечает на вопрос, который касается ответственности представительных органов и должностных лиц местного самоуправления (Власов, 2009). Во-вторых, несбалансированная система правового регулирования институтов непосредственной демократии препятствует полноценному развитию ее форм. В-третьих, актуален вопрос компетентности и профессионализма субъектов принятия решений и, соответственно, качества принятых решений. Понятно, что население в ряде случаев не обладает всей полнотой информации о характере и сути проблемы, но оформленные в виде муниципального правового акта решения становятся обязательными для исполнения. В-четвертых, сами органы местного самоуправления в большинстве случаев не заинтересованы во влечении местного сообщества в решение насущных проблем муниципального образования.

Если и не единственной, то, по крайней мере, наиболее важной формой прямой демократии являются выборы. Осталь-

ные формы непосредственной демократии по сути являются факультативными, и их использование необязательно (Сергеев, 2006).

Однако, действующее законодательство, как известно, кроме муниципальных выборов, среди обязательных форм прямой демократии выделяет публичные слушания, голосования по вопросам изменения границ муниципального образования, а также его преобразования. На публичные слушания выносятся следующие важные вопросы: проекты устава муниципального образования, местного бюджета и отчет о его исполнении, планов и программ развития.

Голосование по аспектам корректировки существующих границ носит ситуационный характер, так как проводится в случае проявления соответствующей инициативы.

Федеральный закон № 131-ФЗ предоставляет муниципалитетам широкие возможности по регламентации институтов непосредственной демократии. Ее формы реализуются уставом и (или) нормативными правовыми актами представительного органа МО. Практика самоуправления на локальном уровне (например, сходы граждан) доказывает потребность в нормотворчестве по данным вопросам. И такие нормы вырабатываются, закрепляются решениями законодательных органов муниципалитетов (Положение о сходе...). Это связано с тем, что лаконичные формулировки Федерального закона не позволяют в полной мере описать все особенности демократических процедур с учетом местной специфики, что, не вступая с ним в противоречие, можно восполнить нормативными правовыми актами представительного органа муниципального образования.

В ч. 1 ст. 33 Федерального закона № 131-ФЗ установлено, что реализация самоуправления на местном уровне возможна и в других формах, не противоречащих главному закону - Конституции, а также федеральным и региональным рас-

поряжениям. Таким образом, перечень форм прямой демократии не может быть исчерпывающим. Практика местного самоуправления порождает новые формы, которые в дальнейшем получают правовое закрепление.

Сегодня активно используются дополнительные процедуры по выявлению мнения населения муниципального образования. Среди них Ю.М.Алпатов отмечает позитивный опыт ряда городов (например, Астрахань), которые осуществляют опросы граждан по вопросам местного значения посредством сети Интернет (Алпатов, 2008).

Стоит отметить, что еще в начале 2000-х годов в отдельных регионах обсуждалась возможность реализации программы «Электронный муниципалитет». Тогда под «электронным муниципалитетом» понимали, прежде всего, формирование социально ориентированных проектов на базе инфокоммуникационных технологий в муниципальном образовании, цель которых – оказание населению различного рода услуг (Воротников, 2002). С другой стороны, по мнению В. Е. Кириенко, «электронный муниципалитет» обеспечивает создание оптимальных условий для принятия эффективных решений по управлению муниципальным образованием в качестве целостной социально-экономической системы (Кириенко, 2012). В целом, как справедливо фиксирует В. А. Холопов, электронный муниципалитет является новой формой организации коммуникации между муниципальной властью и обществом (Холопов, 2012).

«Электронный муниципалитет» как проект базируется на реализации следующих принципов: электронный обмен информацией с гражданами (открытые нормативные базы, порталы электронных услуг, интернет-приемные); принцип «одного окна»; отказ от бумажного документооборота; электронные технологии в работе чиновников (базы данных, информационно-аналитические программы, геоинформационные системы) (Шевандрин,

2011).

Что касается Калининградской области, то здесь стремятся в полной мере использовать все формы прямого демократического включения как можно большего числа людей в управление делами своего муниципалитета. Так, внедрено электронное голосование по оценке эффективности деятельности руководителей муниципальных образований (Правительство Калининградской области). Активно используют преимущества электронной формы участия в управленческих процедурах муниципалитеты области. Например, в рейтинговом голосовании для определения кандидатов в состав Общественного совета при администрации городского округа «Город Калининград» в ноябре 2021 года приняло участие 8077 человек (Администрация ГО «Город Калининград»). В феврале 2019 года жители города голосовали за формирование перечня объектов муниципальной программы «Формирование современной городской среды». Приняло участие в голосовании 53850 человек или более чем каждый десятый калининградец. Все предложения горожан были включены в план работ по созданию рекреационных зон (Администрация ГО «Город Калининград»). В феврале 2020 года сами жители областного центра определили территории общего пользования, где необходимо первоочередное выполнение работ по благоустройству. В голосовании приняло участие 7775 человек (Администрация ГО «Город Калининград»). Понятно, что дело заключается не в отдельных примерах. Но в том-то и состоит смысл данной деятельности администрации муниципалитета, что, во-первых, она осуществляется регулярно, а, во-вторых, что представляется также имеющим значение, горожане привывают к тому, что легко, просто можно участвовать в решении проблем областного центра.

В Калининградской области прямые эфиры с главами муниципалитетов проходят на базе Центра управления регио-

ном (ЦУР). Один из последних эфиров – с главой администрации Гурьевского муниципального округа, Сергеем Подольским. Трансляция велась в сообществе Гурьевского муниципального округа во «ВКонтакте» и «Одноклассниках», а также в ЦУР. Эфир посмотрели почти 7,5 тысяч человек, пользователи оставили более 250 комментариев. На вопросы глава отвечал по ходу эфира, длившегося более часа. Подобная практика реализуется во всех муниципалитетах области. По количеству просмотров прямого эфира одним из лидеров на данный момент является глава администрации Черняховского муниципального округа – Сергей Булычев. В общей сложности трансляцию посмотрело около 10 тысяч зрителей, оставив 160 комментариев. Стоит отметить, что главы администраций муниципалитетов по ходу эфира придерживаются одинаковой структуре: первую половину (около 30 минут) выступают с заранее подготовленным сообщением (газификация, дороги, инфраструктура и т. д. в муниципалитете), оставшееся время (20–40 минут) посвящают ответам на вопросы зрителей (Центр управления регионом).

В качестве некоторых итогов хотелось бы подчеркнуть важность научного осмысления практики непосредственной демократии на уровне муниципалитета. Это позволяет выявить положительные и отрицательные стороны опыта, проанализировать правовые факторы, которые препятствуют дальнейшему успешному развитию форм прямой демократии. Кроме этого, важным представляется и рассмотрение отношения людей к их включению в управление делами своего муниципалитета. Такое включение заключается не только в приобретении определенного опыта, но и в формировании потребности, если угодно, даже привычки в работе на общее благо. В появлении уверенности, что от каждого может зависеть решение насущных проблем жизни своего города, поселения. Все это позволяет создать объективную почву и для совершен-

ствования правового регулирования, что представляет собой обязательное условие поступательного развития местного самоуправления в нашей стране.

Список источников / References

- Mclver W. J., Elmagarmid A. K. Introduction: Advances in Digital Government: Technology, Human Factors, and Policy // Advances in digital government: Technology, Human Factors, and Policy / ed. by W. J. Mclver, A. K. Elmagarmid. – Boston: Kluwer Academic Publishers, 2002.
- Авакьян С.А. Конституционное право России. Т. 1. М.: Юрист, 2005.
Администрация ГО «Город Калининград» // https://www.klgd.ru/vote/vote_list.php?PAGEN_1=9
- Алпатов Ю.М. Организация местного самоуправления в городах федерального значения. М.: ООО «Медиа-Принт», 2008. С. 333.
- Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. СПб.: Стокгольмская школа экономики, 2008.
- Бродовская Е.В. Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность // Власть. 2019. № 4. С.65–69.
- Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе. СПб.: Издательство Михайлова В.А., 2001.
- Власов В.А. Актуальные вопросы ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления перед населением // Конституционное и муниципальное право. 2009. №8. С.33;
- Воротников А. Электронный муниципалитет – новое качество муниципального управления / А.Воротников // iBusiness. 2002. № 9–10.
- Гражданин, закон и публичная власть / Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ; [Васильев В. И. и др.]. - М.: Изд-во Норма, 2005.
- Данилин А.В. Среда электронного взаимодействия для электронного правительства [Электронный ресурс]. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf>.
- Емельянов Н.А. Местное самоуправление в дореволюционной России. Тула, 1996.
- Кириенко В. Е. Информационные системы органов местного самоуправления: от ОГАС к информационному обществу: моногр. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиотехники, 2012. 203 с.
- Mclver W. J., Elmagarmid A. K. Introduction: Advances in Digital Government: Technology, Human Factors, and Policy // Advances in digital government: Technology, Human Factors, and Policy / ed. by W. J. Mclver, A. K. Elmagarmid. – Boston: Kluwer Academic Publishers, 2002.
- Avak'yan S.A. KonstitucionnoepravoRossii. T. 1. M.: YUrist», 2005.
Administraciya GO «Gorod Kaliningrad» // https://www.klgd.ru/vote/vote_list.php?PAGEN_1=9
- Alpatov YU.M. Organizacijamestnogosamoupravleniya v gorodahfederal'nogoznacheniya. M.: ООО «Media-Print», 2008. S. 333.
- Bard A., Zoderkvist YA. Netokratiya. SPb.: Stokgol'mskayashkolaekonomiki, 2008.
- Brodovskaya E.V. Cifrovyegrazhdane, cifrovoegrazhdanstvoicifrovayagrazhdanstvennost' // Vlast'. 2019. № 4. S.65–69.
- Vershinin M.S. Politicheskayakommunikaciya v informacionnomobshchestve. SPb.: Izdatel'stvoMihajlova V.A., 2001.
- Vlasov V.A. Aktual'nyevoprosyotvetstvennostiorganovidolzhnostnyhlicmestnogosamoupravleniyaperednaseleniem // Konstitucionnoe i municipal'noepраво. 2009. №8. S.33;
- Vorotnikov A. Elektronnyjmunicipalitet – novoekachestvomunicipal'nogoupravleniya / A.Vorotnikov // iBusiness. 2002. № 9–10.
- Grazhdanin, zakonipublichnyavlast' / In-t zakonodatel'svaisravnit.pravovedeniyapriPravitel'stve RF; [Vasil'ev V. I. i dr.]. - M.: Izd-vo Norma, 2005.
- Danilin A.V. Sredaelektronnogovzaimodejstviyadlyaelektronnogopravitel'stva [Elektronnyjresurs]. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf>.
- Emel'yanov N.A. Mestnoesamoupravlenie v dorevolucionnojRossii. Tula, 1996.
- Kirienko V. E. Informacionnyesistemyorga novmestnogosamoupravleniya: ot OGAS k informacionnomuobshchestvu: monogr. Tomsk: Izd-vo Tomsk. gos. un-ta sistemupr. iradiotekhniki, 2012. 203 s.

Кожевников О.А., Остапович И.Ю., Нечкин А.В. Современное состояние институтов прямой демократии в России: понятие, классификация и перспективы развития // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 225–233.

Комарова В.В. Механизм непосредственной демократии современной России (система и процедуры). М.: «Формула права», 2006. С. 37.

Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/249eba46b69e162f87771713b6e37fb0780f2c40/

Нудненко Л.А. Институты непосредственной демократии в системе местного самоуправления (проблемы теории и практики). Автореф. дисс. д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 22.

Положение о сходе граждан в Верхнесалдинском городском округе Свердловской области (с изменениями и дополнениями) // <https://base.garant.ru/35170550/>

Правительство Калининградской области // <https://gov39.ru/vote/muni/>.

Пясецкая Е. Н. Электронное правительство и электронная демократия: институционализация политики информационного развития // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № 9.

Руденко В.Н. Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты. Екатеринбург: УрО РАН, 2003. 476 с.

Сергеев А.А. Местное самоуправление в Российской Федерации: проблемы правового регулирования. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006.

Собрание законов Российской Федерации. 2003. № 4. Ст. 3822. // <https://www.szrf.ru/szrf/docslst.2003.numb3822>.

Трещева О.Ю., Балаян Э.Ю. Муниципальная власть в условиях модернизации общества и государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 9. – С. 22–25.

Холопов В.А. Актуальные вопросы формирования организационно-правовых условий для эффективного функционирования электронного муниципалитета. Опыт муниципального образования г. Рязань // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2012. № 1. С. 26–28.

Kozhevnikov O.A., Ostapovich I.YU., Nechkin A.V. So vremennoesostoyanieinstitutovpryamodemokratii v Rossii: ponyatie, klassifikaciya i perespektivyrazvitiya // VestnikTomskogogosudarstvennogouniversiteta. 2020. № 456. S. 225–233.

Komarova V.V. MekhanizmneposredstvennojdemokratiiisovremennojRossii (sistemaiprocedury). M.: «Formula prava», 2006. S. 37.

KonstituciyaRossijskojFederacii. Prinyatavsенarodnymgolosovaniem 12 dekabrya 1993 goda s izmeneniyami, odobrennymi v hodeobshcherossijskogogolosovaniya 1 iyulya 2020 goda // www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/249eba46b69e162f87771713b6e37fb0780f2c40/

Nudnenko L.A. Institutyneposredstvennojdemokratii v sistememestnogosamoupravleniya (problemyteoriiipraktiki). Avtoref. diss. d-ra yurid. nauk. M., 2001. S. 22.

Polozhenie o skhodegrazhdan v VerhnesalдинскомгородскомокругеSverdlovskojoblasti (s izmeneniyamiidopolneniyami) // <https://base.garant.ru/35170550/>

Pravitel'stvoKaliningradskojoblasti // <https://gov39.ru/vote/muni/>.

Pyaseckaya E. N. Elektronnoepравител'stvoielectronnayaademokratiya: institucionalizaciyaipolitikiinformacionnogorazvitiya // Nauchno-metodicheskijelektronnyjzhurnal «Koncept». 2017. № 9.

Rudenko V.N. Pryamayademokratiya: modelipravleniya, konstitucionno-pravovyeinstituty. Ekaterinburg: UrO RAN, 2003. 476 s.

Sergeev A.A. Mestnoesamoupravlenie v RossijskojFederacii: problemypravovogoregulirovaniya. M.: TK Velbi, Izd-voProspekt, 2006.

SobraniezakonovRossijskojFederacii. 2003. № 4. St. 3822. // <https://www.szrf.ru/szrf/docslst.2003.numb3822>.

Treshcheva O.YU., Balayan E.YU. Municipal'nayavlast' v usloviyahmodernizaciiobshchestvaigosudarstva // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoesamoupravlenie. 2020. № 9. – S. 22–25.

Holopov V.A. Aktual'nyevoprosyformirovaniya organizacionno-pravovyhusloviydlyaeffektivnogofunkcionirovaniyaelectronnogomunicipaliteteta. Opytmunicipal'nogoobrazovaniya g. Ryazan' // Municipal'nayaslužba: pravovyevoprosy. – 2012. №

Центр управления регионом // <https://vk.com/tsur39>

Шевандрин А.В. «Электронный муниципалитет» как перспективная модель эффективного местного самоуправления // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. №31.

1. S. 26–28.

Centrupravleniyaregionom // <https://vk.com/tsur39>

Shevandrin A.V. «ElektronnyjmunICIPalitet» kakperspektivnaya model' effektivnogomestnogosamoupravleniya // Nacional'nyeinteresy: prioritybezopasnost'. 2011. №31.

Сведения об авторах

Кривошеев Владимир Вениаминович, профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, доктор социологических наук, доцент, 236016 Калининград, улица Александра Невского, 14.
+7 911 859 30 85, VKrivosheev@kantiana.ru

Кочергин Даниил Юрьевич, специалист по исследованиям Центра управления регионом Калининградской области, 236022 Калининград, Советский проспект, 13.
+7 911 460-15-17 daniilkochergin39@gmail.com

Вклад авторов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 01.10.2021; одобрена после рецензирования 09.11.2021; принята к публикации 1.12.2021

Information about the author

Vladimir V. Krivosheev, professor of Institute of the humanities of the Immanuel Kant Baltic Federal University Baltic, doctor of sociological sciences, associate professor, 236016, Kaliningrad, Russian Federation, A. Nevskogo ul. 14.
+7 911 859 30 85, VKrivosheev@kantiana.ru

Daniil YU. Kochergin, Research specialist of the Center for Regional Management of the Kaliningrad Region
+7 911 460-15-17 daniilkochergin39@gmail.com

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of Interest

The authors claim no conflict of interest.

Information about the article

The article was submitted 01.10.2021; approved after reviewing 09.11.2021; accepted for publication 1.12.2021